

ФРАГМЕНТЫ БУДУЩИХ КНИГ

К. Вельцель РОЖДЕНИЕ СВОБОДЫ

В марте 2017 г. ВЦИОМ выпускает в свет книгу Кристиана Вельцеля «Рождение свободы» («Freedom Rising»), в которой представлена масштабная теория, объясняющая, почему с изобретением государства свобода уступила место угнетению, почему в новейшее время эта тенденция стала преодолеваться, и что привело к быстрому распространению всеобщих свобод и демократии. Работа «Freedom Rising» получила две престижные премии (Штейна Роккана — в области сравнительных исследований в социальных науках и Александра Джордша — за лучшую книгу). Вниманию читателей представляем введение к книге, написанное автором.

[Стала больше] зависимость правительств от управляемых, которых необходимо хорошо мотивировать, чтобы сложное государство-общество могло нормально функционировать... Но даже в тех случаях, когда это давление [правительств] диффузное, настроения масс населения... являются в наше время гораздо более мощным фактором в балансирующих противовесах власти в государстве-обществе, чем когда-либо раньше. Элиас, 2010, 138¹ (Elias, 1984: 229)

1. Тема — Свобода на подъеме

С самого появления на планете нашего вида и до последнего времени большинство людей жили в бедности и опасности, их жизнь была коротка. Хуже того, с появлением цивилизации люди попали под власть правителей. С тех пор организация государства была подчинена цели совершенствования эксплуатации, и тысячелетиями растущие возможности государства означали усиливающееся подавление свобод (Diamond, 1997; Nolan & Lenksi, 1999). Только совсем недавно эта тенденция начала меняться на противоположную. Первыми сигналами были революции в Англии, Нидерландах, Америке и Франции в XVII и XVIII столетиях (Grayling, 2007). Эти либеральные революции изменили ход истории: тирании, хотя и продолжали существовать, уже не пребывали в безопасности; они начали все быстрее и быстрее сдавать позиции (Modelski & Gardner, 1992, 2003).

Протест обычных людей против угнетения и борьба за свободы были первоначально исключительным атрибутом «Запада». Однако многочисленные поражения авторитаризма в разных регионах мира породили несколько волн демократизации, подтолкнули к распаду коммунизма, «цветным революциям» и Арабской весне (Huntington, 1991; Markoff, 1996; McFaul, 2002; Weijnert, 2005; Kalandadze &

¹ Элиас Н. Знание и власть // Знание: собственность и власть: Хрестоматия / отв. ред. В. А. Садовничий. М.: ИСПИ РАН, 2010.— Прим. ред.

Orenstein, 2009; Gause, 2011). Мирное давление людских масс, требовавших свобод, было движущей силой всех этих революций (Ackerman & Karatnyski, 2005; Schock, 2005). Конечно, как нам напоминают некоторые поразительные случаи устойчивости и возрождения авторитарных режимов, свободы людей не всегда побеждают (Bunce & Wolchik, 2010; Levitsky & Way, 2010). Тем не менее, желание обрести свободу еще никогда не высказывалось так мощно, так часто и в столь многочисленных местах, как сегодня, причем как в демократических странах, так и за их пределами (Clark, 2009; Tilly & Wood, 2009; Carter, 2012).

Эта книга о человеческом стремлении к свободам и об источнике его вдохновения: о желании эмансипации — жизни, свободной от внешнего доминирования. Где бы и когда бы ни возникало это желание, оно проявляется в том, что я называю *эмансипативными ценностями*. Эти ценности представляют собой психологическое ядро широкого процесса *человеческой эмансипации*. Этот процесс повсеместен. Он трансформирует современный мир разнообразными, но согласованными друг с другом способами, некоторые из которых будут представлены ниже. Поскольку эмансипативные ценности воплощают «дух» процесса обретения людьми власти, книга фокусирует внимание на зарождении и росте этих ценностей, анализируя их содержание, движущие силы и следствия.

Эмансипация, как идея жить свободно от подчинения господству, — это всеобщее желание (Sen, 1999). Как сознательные существа с даром воображения люди обладают неотъемлемым стремлением к жизни, свободной от внешних ограничений (Deci & Ryan, 2000; Haller & Hadler, 2004; Fischer & Boer, 2011). Даже если никакой «свободы воли» в абсолютном смысле этого понятия нет, как полагают некоторые авторы (Harris, 2012), вера в свободу воли — важная часть психологии людей, и, если эта вера подорвана, возникает ряд негативных последствий: люди чувствуют себя менее счастливыми и хуже контролируют свои эгоистические побуждения (Ryan & Deci, 2000; Baumeister, Masicampo & DeWall, 2009).

Желание свобод настолько фундаментально, что ему уделяют внимание все основные религии, выдвигающие идею спасения. Спасение, по своей сути, — эмансипативная идея, потому что оно обещает свободу от подчинения внешнему господству после [земной] жизни (Dumont, 1986; Lal, 1998). Эмансипативные ценности отличаются от идеи спасения тем, что они нацелены на освобождение в этой жизни, и представляют собой светскую версию стремления к свободам.

Эмансипативные ценности адаптируются к экзистенциальным ограничениям, которые люди не могут контролировать. Предпочтения эмансипативных ценностей усиливаются, когда ослабевает внешнее давление на человеческую жизнь. Напротив, когда принудительность условий существования сильна, эмансипативные ценности остаются пассивными. Следовательно, они развиваются в ответ на изменения полезности свобод. Где ослабление притеснений увеличивает полезность свобод, там люди сразу начинают их ценить. Эта связь между полезностью и ценностью имеет практическое значение для жизни людей: она не позволяет нашим ценностям оторваться от реальности и помогает поддерживать благополучие в изменяющихся условиях.

Большую часть истории условия жизни обычных людей были тяжелыми и бедственными (Maddison, 2007; Morris, 2010; Galor, 2011). Пока это было так, не было массовой поддержки эмансипативных ценностей. Однако с прорывом в индустриальную эру ситуация изменилась.

стриальную эру постоянно росла доля людей с относительно высоким уровнем жизни, увеличивалась продолжительность жизни, улучшались другие её условия. Благодаря этим улучшениям, жизнь трансформируется и превращается из источника угроз в источник возможностей, из борьбы за выживание — в стимул для процветания. Когда жизнь становится привлекательной и перспективной, действия людей начинают определяться не давлением внешних обстоятельств, а их внутренними мотивами и желаниями. Таким образом, целые популяции людей поднимаются по *лестнице полезности свобод*. Когда это происходит, реализация свобод и толерантность к ним становятся все более полезными при тех новых возможностях, которые теперь предлагает более привлекательная жизнь. Это глобальное изменение жизни людей происходит не только в Западных обществах. Миллионы людей в Китае, Индии и других быстро развивающихся обществах расстаются с бедностью, угнетением и другими тяжелыми условиями жизни (Simon, 1996, 1998; Goklany, 2007). В результате у людей пробуждается стремление к эмансипации, свободам, и усиливаются эмансипативные ценности.

Это не означает, что бедность и угнетение повсеместно уходят в прошлое, однако доля людей, живущих в бедственных условиях, снижается (World Bank, 2002; Sachs, 2005). Еще никогда в истории человечества уровни дохода, грамотности и продолжительности жизни не были такими высокими у большой доли населения планеты (Maddison, 2007; Ridley, 2010; Morris, 2010). Действительно, во многих регионах условия жизни улучшались, начиная с 1970-х гг. (Estes, 1998, 2000a, 2000b, 2010; Moore & Simon, 2000; Heylighen & Bernheim, 2000; Lomborg, 2001). Исключением был ряд стран в Африке южнее Сахары, хотя недавно и там появились позитивные изменения (Africa Progress Panel, 2012). То же верно и для постсоветского мира: постсоветские общества пережили период ухудшения жизненных условий после краха коммунизма, но сейчас ситуация в них исправляется. Три диаграммы на рисунке 1.1 подтверждают вышесказанное, показывая данные о продолжительности жизни, образовании и доходах в разных регионах мира.

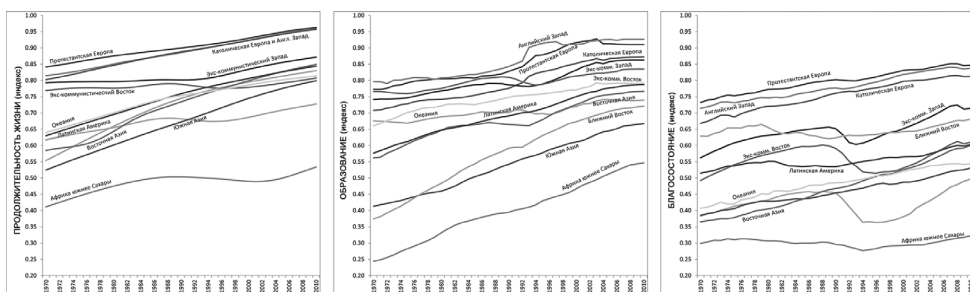

Рисунок 1.1. Тенденция изменения качества жизни в регионах мира (1970—2010 гг.)

Примечание: Тренды основаны на моих собственных расчетах по данным для 136 стран, опубликованным в Программе развития Организации Объединенных Наций (2011). Данные о том, каким образом страны объединены по регионам, см. в Приложении I. Нужно учитывать, что восходящие тренды преобладали во всем мире в последние тридцать лет, с двумя исключениями: (1) продолжительность жизни и благосостояние в африканских странах южнее Сахары начали расти лишь недавно; (2) после краха коммунизма посткоммунистические общества столкнулись с падением качества жизни, особенно уровня благосостояния, но сейчас ситуация улучшается.

Войны, террор, пытки и другие формы физического насилия в большинстве мест стали встречаться реже с окончанием периода деколонизации (Human Security Report Project, 2006; Gat, 2006; Nazaretyan, 2009; Pinker, 2011). В самом деле, глобальное распространение демократии и усилившееся внимание к правам человека помогли ограничить угнетение людей в глобальном масштабе (Huntington, 1991; Markoff, 1996; Moravcsik, 2000; McFaul, 2002; Landman, 2005; Pegrarn, 2010).

Женская половина человечества особенно выиграла от сокращения репрессивных практик. Патриархатность — самая долговременная форма угнетения людей — отступает, и статус женщин устойчиво повышается почти во всех странах мира, за редким исключением (Walter, 2001; Inglehart & Norris, 2003; Strom, 2003; Paxton, 2009; Alexander & Welzel, 2010)².

Поисходят улучшения даже в той сфере, в которой, по мнению ученых, они были невозможны: субъективном благополучии (Easterlin, 1995; 2005). Как показывают недавние исследования, удовлетворенность жизнью и количество «счастливых прожитых лет» увеличились за последние тридцать лет в большинстве стран, для которых доступны данные (Hagerty & Veenhoven, 2006; Inglehart, Foa, Peterson & Welzel, 2008; Veenhoven, 2010)³.

Физическая безопасность, мир, процветание, продолжительность жизни, образование, технология, демократия, главенство закона, гражданские права, доверие, толерантность, активность общественных движений, гендерное равенство, социальная безопасность, защита окружающей среды и счастье людей, — все эти показатели выше в постиндустриальных обществах знаний (Bell, 1973; Toffler, 1990; Drucker, 1993; Florida, 2002). Эти общества находятся на переднем крае процесса человеческой эмансипации. Люди в обществах знаний живут в условиях ослабления механизмов социального контроля, ослабления групповых норм, снижения конформного давления и, обобщая вышесказанное, в условиях индивидуализации: процесса, передающего контроль над поведением людей в их собственные руки (Wellman, 1979, 2001; Beck, 2002). Когда это происходит, социальные институты все в большей степени нуждаются в добровольном согласии людей, чтобы функционировать (Coleman, 1990). Индивидуализация повышает важность человеческих ценностей как руководства для действий. Как показывает эта книга, наиболее важный набор ценностей, появляющийся в процессе индивидуализации, — это эмансипативные ценности.

Эмансипативные ценности подчеркивают свободу выбора. Однако ориентация на свободу — не эгоистическая: она сочетается с подчеркиванием важности равенства возможностей. Это направляет внимание людей на вопросы социальной справедливости. В результате людей все больше заботят и огорчают случаи дискриминации. Можно выделить два аспекта взаимосвязи эмансипативных ценностей и толерантности. С одной стороны, эмансипативные ценности подра-

² Это утверждение подкрепляется данными Программы развития ООН (United Nations' Development Program, 2011), Индекса гендерного развития (Gender Development Index, или GDI) и Показателей гендерного эмпауэрмента (Gender Empowerment Measure, или GEM), демонстрирующими постоянные улучшения жизни и участия в управлении женщин почти во всех странах мира.

³ Исследование Инглхарта с коллегами (Inglehart et al., 2008) показало, что субъективный уровень счастья вырос в пятидесяти из пятидесяти пяти обществ, для которых доступны данные не менее чем за пятнадцать лет.

зумевают *большую* толерантность к девиантному поведению, невмешательство в личные дела других людей. Люди, по мере усиления эмансипативных ценностей, относятся терпимее к гомосексуальности и другим беспроblemным, приемлемым для общества формам отклонения от норм. С другой стороны, эмансипативные ценности означают *меньшую* толерантность к поведению, которое нарушает права других людей. Следовательно, сексуальные, расистские и другие формы дискриминации становятся менее *приемлемыми*, чем более усиливаются эмансипативные ценности. Эмансипативные ценности порождают *либеральный* тип толерантности. Либеральная толерантность *нетерпима* к *антилиберальным* практикам.

Эмансипативные ценности, понимаемые как ориентация на свободу выбора и равенство возможностей, нельзя считать абсолютно новым феноменом. Напротив, эмансипативные идеалы были первоначально сформулированы философами эпохи Просвещения: Кантом, Миллем и Монтескье (Grayling, 2007). В начале Нового времени дух эмансипативных ценностей вдохновлял либеральные революции XVII—XVIII вв. в Западной Европе и Северной Америке (Chirot, 1994). Первоначально фокусом эмансипации была отмена рабства и крепостного права, а также защита людей от тирании государства. С тех пор произошли изменения: дух эмансипации распространился и стал массовым, и теперь любые формы дискриминации уже не остаются без внимания, будь то расизм, сексизм, эйджизм, и любые другие формы несправедливости. Очень важно, что эмансипативные ценности появились и за пределами Западного мира. Мы отмечаем их рост в Латинской Америке, в посткоммунистическом мире, в Азии, на Ближнем Востоке, а также в некоторых странах Африки. По крайней мере, как мы увидим в Главах 3 и 4, это показывают данные Мирового исследования ценностей.

По мере усиления эмансипативных ценностей, они мотивируют ряд движений за равные права. Они также продвигают антидискриминационные нормы, которые становятся главным стандартом оценки для критически настроенных масс-медиа и процветающей индустрии общественных организаций, занимающихся социальным мониторингом (Keane, 2011). Постоянное публичное давление на чиновников со стороны общественных движений и масс-медиа ограничивает их власть над людьми. В обществах знаний права человека постоянно расширяются, что получило название «революции прав» (Epp, 1998; Ignatieff, 2000; Frank, 2002; Pinker, 2011). Сходным образом, развивается защита людей от произвола и власти правительства и корпораций, вводится новое законодательство для защиты потребителей, личных данных, меньшинств и других прав человека (Bainbridge, 2000; Bagudu, 2003; Freeman, 2003; Switzer, 2003; Carey, 2004; Hibbert, 2004; Long, 2004; Kafka, 2005; Keane, 2011). В то же самое время открываются новые каналы участия людей в политике и планировании политических решений (Smith & Wales, 2000; Petts, 2001; Scarrow, 2001; Ansell & Gingrich, 2003; Cain, Egan & Fabrini, 2003).

Эти тенденции наиболее отчетливо проявляются в обществах знаний и разрыв между этими обществами и остальным миром все еще велик. Тем не менее, и другие общества по всему миру подхватывают данные тенденции.

У всех указанных выше социальных изменений есть общая черта: каждое тем или иным способом способствует увеличению власти людей — дает им возмож-

ность пользоваться свободами, включая свободу самим принимать жизненные решения и участвовать в общественной жизни. Но одна из наиболее значимых черт всех этих изменений связана с тем, что объединяющую их тему редко замечают. Из-за специализации различные группы ученых-обществоведов обсуждают лишь отдельные аспекты этих изменений. Единая тема, которая объединяет многочисленные изменения в единый поток, не замечается: это «гуманистическая трансформация» цивилизации, единый поток событий, усиливающий в обществах влияние и власть обычных людей. Лучше всего это назвать *процессом человеческой эмансипации*.

Эмансипативные ценности — источник вдохновения этого процесса. Вот почему данная книга сфокусирована именно на них. В следующем параграфе представлен обзор различных ее глав. Затем, в третьем параграфе данного Введения, обсуждаются схема глобальных культурных зон и категоризация обществ по уровню эмансипированности людей, используемая во всех главах. Книга дополнена обширным приложением (см.: ссылку <http://www.cambridge.org/no/academic/subjects/politics-international-relations/comparative-politics/freedom-rising-human-empowerment-and-quest-emancipation>), в котором можно найти все технические подробности, в особенности — об измерении различных показателей и дополнительном анализе, а также данные, которые могут быть полезны для самостоятельной проверки выводов, представленных в данной книге.

2. План книги

Двенадцать глав этой книги сгруппированы в четыре части. *Часть А* содержит четыре главы и рассматривает суть и особенности эмансипативных ценностей. В *части В* три главы, в них обсуждается, каким образом эмансипативные ценности способствуют гражданской активности в обществах, выстраивающих новый социальный капитал. Три главы *части С* посвящены главному последствию эмансипативных ценностей для усиления гражданского общества: стремлению к демократии. В двух главах *части D* эмансипативные ценности рассмотрены в широкой цивилизационной перспективе; анализируется их значение в истории и их роль для экологической устойчивости нашей планеты. Далее приводится краткий обзор глав.

Глава 1. Теория эмансипации. Это теоретическая глава, в ней рассмотрены эмансипативные ценности в рамках широкого процесса человеческой эмансипации. С опорой на работы Сена (Sen, 1999) и Нусбаум (Nussbaum, 1998) в главе описывается человеческая эмансипация как процесс освобождения людей от внешнего господства. Эмансипативные ценности являются вдохновляющим ядром этого процесса. Они дают людям *психологическую* силу, укрепляя их мотивацию реализовать свободы. Как показано на Рисунке 1.1, эмансипативные ценности дополняют два других элемента человеческой эмансипации: необходимые для действия ресурсы и гражданские права. Ресурсы для действий обеспечивают экзистенциальный аспект человеческой эмансипации, усиливают их способность использовать свободы. Гражданские права представляют собой *институциональный* аспект эмансипации, расширяющий гарантии свобод. Связанные эмансипативными ценностями, все три элемента вместе составляют человеческую эмансипацию.

В Главе 1 утверждается, что эмансипативные ценности усиливаются как естественная реакция на снижение принудительности условий существования. Когда экзистенциальное давление снижается, люди контролируют больше ресурсов для действий и поэтому могут совершать больше действий и поступков по своей воле, они становятся эффективнее, большего добиваются. Следовательно, правовые возможности, гарантирующие свободы, становятся полезнее — более умелые и способные люди могут добиться большего, используя их; таким образом они поднимаются по лестнице полезности свобод. Поскольку люди замечают и понимают это, они хотят больших правовых возможностей. Усиление эмансипативных ценностей — проявление этого желания. Поскольку ценности нацеливают действия людей на желательные результаты, эмансипативные ценности побуждают людей требовать свобод, которых они хотят. В высказывании таких требований участвует все больше людей, по мере того как расширяется распространенность эмансипативных ценностей. Общие ценности и совместные действия способных и мотивированных людей обеспечивают такую силу солидарности, которой трудно противостоять. В какой-то момент правители вынуждены идти на уступки и предоставлять людям требуемые права и строго их соблюдать.

Если ресурсов для действий недостаточно, тогда та же логика работает в противоположном направлении: полезность свобод низка для тех, кто мало, что способен сделать, вследствие этого люди меньше хотят свобод и менее ориентированы на эмансипативные ценности. Поэтому действий, нацеленных на требование и охрану прав, мало. В отсутствие таких требований у правителей нет причин расширять гражданские права; их стремление максимизировать власть не встречает сопротивления.

В соответствии с этими положениями три элемента человеческой эмансипации — необходимые для действия ресурсы, эмансипативные ценности и гражданские права — связаны *единым* корневым принципом: *лестницей полезности свобод*. Этот принцип относится к универсальным, всеобщим свободам и объясняет, когда гарантии таких свобод становятся полезными и желательными, а когда нет. Логика предполагает, что три элемента человеческой эмансипации появляются последовательно: сначала — эмансипативные ценности как психологическая реакция на расширившиеся ресурсы для действий; затем гарантируются, расширяются и реализуются гражданские права в ответ на солидарные действия наделенных влиянием и мотивированных людей. *Тезис последовательности* в моей теории эмансипации обобщает эти идеи, предполагая, что, если свободы расширяются, это происходит в такой последовательности: от полезностей через ценности к гарантиям. Кроме того, акцент на *всеобщих* свободах этого тезиса предполагает, что это *коллективная* последовательность: всеобщие свободы перерастают из совместных полезностей через общие ценности во всеобщие гарантии прав.

Глава 2. Картирование различий. Все следующие главы — эмпирические. Я проверяю предположения, представленные в Главе 1, используя обширные межстрановые и лонгитюдные данные Мирового исследования ценностей и Европейского исследования ценностей. Когда писалась эта книга, уже велся сбор данных шестой волны Мирового исследования ценностей, но ее данные

появятся в открытом доступе только через два года. По этой причине я решил ограничить исследование последней завершённой волной — пятой, которая была проведена в период с 2005 по 2008 гг. На основе этих данных в Главе 2 представляется построенный на базе двенадцати показателей *индекс эмансипативных ценностей*. Концептуально этот индекс — более компактный способ измерения ценностей «выживания — самовыражения» Инглхарта и Вельцеля (Inglehart & Welzel, 2005).

В контексте сравнительного кросс-культурного анализа ключевой вопрос таков: измеряют ли эмансипативные ценности лишь узкий «западный» конструкт, или они — универсальный концепт, который появляется везде (а не только на Западе), где расширяются ресурсы для действий. Тестирование модели, в которой внутренняя согласованность эмансипативных ценностей в девяноста пяти странах одновременно объяснялась Западными традициями общества и ресурсами для действий, выявило большую значимость ресурсов для действий. Следовательно, эмансипативные ценности — это не Западный концепт, а следствие расширения ресурсов для действий, находящихся в распоряжении людей, как и предполагает лестница полезности свобод.

Дальнейший анализ показал, что эмансипативные ценности группируются по национальным кластерам, которые сильно различаются между собой по уровню этих ценностей. Было также выявлено, что внутри каждого общества эмансипативные показатели ценностей имеют нормальное распределение — «колоколообразное» с единственным пиком. Следовательно, средние страновые показатели эмансипативных ценностей отражают *наиболее типичный уровень* эмансипативных ценностей для каждой страны. Это валидный показатель центра «культурной тяжести» страны относительно эмансипаторных идеалов.

Различия эмансипативных ценностей *внутри* обществ, связанные с поколениями, полом, образованием, доходом, родом занятий, религией и этнической принадлежностью, также существуют. Причем они демонстрируют понятный паттерн: в каждом из случаев группа с большими ресурсами для действий сильнее ориентирована на эмансипативные ценности, что, опять-таки, предполагает лестница полезности свобод. Следовательно, мы получаем социальный профиль тех, кто обычно больше ориентирован на эмансипативные ценности. Во всех обществах этот профиль одинаков: люди с более высокими доходами, лучшим образованием и более широкими коммуникативными связями, — все эти качества преобладают в городах, среди молодых когорт и в профессиях, требующих знаний. Однако эти сходства не делают одинаковыми ценности людей, принадлежащих к одной из таких групп, но живущих в разных обществах. Напротив, различия в эмансипативных ценностях между странами гораздо сильнее, чем различия внутри стран. Например, хотя выпускники университетов во всех странах несколько больше ориентированы на эмансипативные ценности, мы обнаруживаем среди них такие же межстрановые различия, что и у всего населения.

Глава 3. Многоуровневые факторы. Глава 3 анализирует взаимодействие факторов индивидуального и социетального уровней в формировании эмансипативных ценностей. Используя многоуровневые модели, построенные на данных 150 000 респондентов из более чем 90 обществ, я анализирую, какой тип ресурсов

для действий больше усиливает эмансипативные ценности: (а) *материальные*, (б) *интеллектуальные* или (с) *коммуникативные*. Кроме того, я анализирую, какая часть эмансипативных ресурсов более значима (а) *общая* для большинства людей или (б) *уникальная* для каждого индивида. Я нашел два ответа на эти вопросы: (1) интеллектуальные и коммуникативные ресурсы больше усиливают эмансипативные ценности, чем материальные ресурсы; (2) для всех трех типов ресурсов именно их *общая*, а не *уникальная* часть, в большей степени усиливает эмансипативные ценности. Этот паттерн отражает важный принцип: лестница полезности свобод — это лестница *социальных общих* полезностей, а не *уникальных индивидуальных* полезностей. Здесь действует социальное измерение, проявляющееся в солидарности, наблюдаемой, когда *совместные* полезности питают *коллективные* действия, предпринимаемые ради *общих* ценностей.

Социальное измерение демонстрирует удивительный паттерн, на который обычно не обращают внимания, но он постоянно появляется в этой книге: паттерн *взаимного обогащения* [cross-fertilization], когда потенциал [impulse] внутренне присущего индивиду признака усиливается, если данный признак преобладает в окружающем индивида обществе. В качестве примера можно привести эмансипаторный потенциал [impulse] образования: образование увеличивает эмансипативные ориентации индивидов, но, если в обществе много образованных людей, эта тенденция становится более выраженной. Следовательно, высокообразованные люди сильнее ориентированы на эмансипативные ценности когда их много, в сравнении с ситуацией, когда их мало. В этом заключается эффект *взаимного обогащения*: внутренне присущая образованию способность благоприятствовать эмансипации тем сильнее, чем больше образованных людей взаимодействуют друг с другом.

Феномен *взаимного обогащения* подсказывает важную идею: социальное преобладание ценностей приводит к значимым следствиям независимо от индивидуальных предпочтений этих ценностей. По этой причине имеет смысл анализировать их преобладающие паттерны в разных обществах. Признание этого подчеркивает важность культуры, потому что как коллективный феномен культура проявляется именно в преобладании тех или иных ценностей.

Глава 4. Отслеживание изменений. В Главе 4 анализируется динамика эмансипативных ценностей, представлены данные об их изменениях в мире и даны объяснения этим изменениям. Изменения ценностей детерминированы двумя факторами. Во-первых, когда ресурсы для действий людей прирастают от поколения к поколению, молодые когорты вступают в жизнь с более сильными эмансипативными ценностями, чем более старшие когорты. Это верно для *всех* культурных зон планеты, включая Африку южнее Сахары и конфуцианские общества. Кроме того, продолжающийся рост ресурсов для действий со временем поднимает уровень эмансипативных ценностей каждой когорты.

Отдельно анализируется направление причинно-следственных связей между тремя элементами человеческой эмансипации: ресурсами для действий, эмансипативными ценностями и гражданскими правами. Впервые причинно-следственные взаимосвязи между этими тремя элементами проверяются в разных (альтернативных) направлениях на лонгитюдных данных. Я специально исследую

каждый элемент на предмет его влияния на *последние* значения двух других элементов, независимо от их влияний в более *ранние* периоды.

Результаты доказывают, что главное направление каузальности — от ресурсов для действий к эмансипативным ценностям, а от них — к гражданским правам. В соответствии с этими результатами, ресурсы для действий представляют собой *основополагающий* элемент, эмансипативные ценности — *связывающий* элемент, а гражданские права — *завершающий* элемент человеческой эмансипации. Эта каузальная цепочка подтверждает тезис последовательности эмансипативной теории: сначала растет ценность свобод, потому что выросла их полезность; потом устанавливаются гарантии свобод, или точнее, институционализируются, потому что одновременно выросли полезность и ценность свобод. Короче говоря, свободы растут в такой последовательности: полезность — ценность — гарантии.

В *Частях В и С* анализ проводится в обратной перспективе. Мы больше не смотрим на то, как появились эмансипативные ценности. Вместо этого мы исследуем результаты роста эмансипативных ценностей. Если в *Части В* я исследую, как появление эмансипативных ценностей приносит в общество «гражданскую силу», создающую новый социальный капитал, то в *Части С* я фокусируюсь на одном их специфическом последствии — на демократии.

Три вещи делают эмансипативные ценности революционной гражданственной силой. Во-первых, они вдохновляют людей следовать своим внутренним мотивам, а не подчиняться внешнему контролю. Во-вторых, эта внутренняя мотивация усиливает эмпатию, чуткость к легитимной озабоченности других людей различными проблемами. Это создает просоциальную форму индивидуализма, благодаря которой даже совсем незнакомые и далекие люди воспринимаются как равные, что помогает людям объединяться для решения общих проблем. В-третьих, эмансипативные ценности побуждают людей действовать для решения этих общих проблем. В совокупности эти аспекты эмансипативных ценностей превращают их в гражданственную силу, побуждающую людей самим управлять своей жизнью и определять круг насущных проблем для их обществ. В Главах 5—7 последовательно рассматривается каждый из этих трех аспектов.

Глава 5. Внутренние качества. В Главе 5 исследуется, как эмансипативные ценности влияют на жизненные стратегии людей. Для этого я рассматриваю, как они влияют на то, какие сферы жизни определяют у людей общее ощущение благополучия. Предполагается, что большинство предпочитает хорошее положение вещей плохому, и поэтому внимание концентрируется на тех сферах, которые оказывают наиболее сильное влияние на общее ощущение благополучия. Используя многоуровневые модели, я обнаружил сильное влияние эмансипативных ценностей. Конкретнее, удовлетворенность, которую люди испытывают от ощущения *материального* благополучия, быстро снижается с ростом эмансипативных ценностей. В то же время удовлетворенность от ощущения *эмоционального* благополучия повышается так же резко, приводя к полной смене приоритетности детерминант общей удовлетворенности. Я интерпретирую это радикальное изменение как переход от стратегии, ориентированной на материальные условия жизни, к стратегии поиска более глубокой эмоциональной удовлетворенности. Это сигнализирует о переходе от стратегий *приобретения* к стратегиям *процветания*.

Такая смена стратегий не отменяет стремления людей к материальным благам. Но теперь эти блага перестают быть целью сами по себе: они важны как средство, помогающее добиться эмоциональной удовлетворенности.

Любая стратегия вызывает удовлетворение, если достигается цель. Но важен не только успех в достижении цели, но и *тип* поставленной цели. При одинаковой степени успешности стратегии процветания приносят большую удовлетворенность, чем стратегии приобретения. Я демонстрирую это с помощью многоуровневых моделей, в которых зависимая переменная — общее ощущение благополучия респондентов, а независимые — материальное благополучие, эмоциональное благополучие, а также степень *приоритетности* обоих типов благополучия. Как и ожидалось, и материальное, и эмоциональное благополучие повышают уровень общего благополучия. Однако, если *приоритетность внутреннего*, эмоционального благополучия еще сильнее повышает ощущение общего благополучия, то *приоритетность внешнего*, материального благополучия, напротив, *понижает* оценку общего благополучия. Это снижение почти устраняет позитивный эффект собственно материального благополучия.

С точки зрения эволюционного подхода, преимущество внутренних стратегий процветания, приносящих большую удовлетворенность, очень важно. Оно означает, что человеческому существованию внутренне присуще побуждение устранять препятствия, которые мешают людям сделать самореализацию своим приоритетом. Внешние стратегии приобретения в этом эволюционном смысле — это лишь временные средства для достижения упомянутой главной цели. Человеческому существованию свойственна потребность восхождения по лестнице полезности свобод.

Глава 6. Доброкачественный индивидуализм. Результаты Главы 5 предполагают, что эмансипативные ценности поощряют просоциальное поведение. Причина в том, что стратегии процветания нацелены на самореализацию — стремление посвятить себя высокой цели, более масштабной, чем сам индивид (Maslow, 1988 [1954]). Можно утверждать, что такие стремления благотворны для общества: они побуждают людей к действиям, которые создают добавленную стоимость для других людей и для общества в целом. Однако эмансипативные ценности представляют собой явно индивидуалистическую ориентацию, а индивидуализм часто трактуется как антисоциальное явление. Это предполагает, что эмансипативные ценности также антисоциальны. Глава 6 рассматривает эти противоречивые соображения, выясняя, антисоциальна или просоциальна природа эмансипативных ценностей. Данные показывают: эмансипативные ценности представляют собой просоциальную форму индивидуализма.

Говоря конкретнее, я с помощью многоуровневых моделей демонстрирую, что и приверженность эмансипативным ценностям на уровне индивидов, и их преобладание на уровне общества способствуют (а) *неэгоистическим ориентациям*, в том числе заботе о других людях и экологии, (б) *обобщенному доверию*, которое делает межгрупповые границы проницаемыми для посторонних, (с) *гуманистическим ориентациям*, бросающим вызов дискриминации различных групп и меньшинств. Снова выявлен эффект взаимного обогащения: просоциальное воздействие эмансипативных ценностей на уровне индивидов усиливается, ко-

гда они преобладают в обществе. Таким образом, эмансипативные ценности — взаимное благо, позитивные свойства которого проявляются через взаимное признание. Результаты Главы 6 ясно показывают, что эмансипативные ценности — просоциальны. Это не значит, что эгоистические версии индивидуализма не будут существовать. Однако эмансипативные ценности отражают не эгоизм, а доброкачественный индивидуализм.

Глава 7. Солидарное действие. В Главе 7 рассматривается еще одна идея, вытекающая из результатов Главы 5: у эмансипативных ценностей выраженное экспрессивное воздействие, побуждающее людей действовать вместе с другими, чтобы высказывать общие требования. Опять-таки, я использую многоуровневые модели для анализа данных об участии в общественных движениях более ста тысяч человек из девяноста стран, включая петиции, бойкоты и демонстрации. Эти виды активности — ключевые проявление власти людей: они часто помогают навязать демократические изменения авторитарным режимам и постоянно оказывать влияние на события и решения в зрелых демократиях. Как показывают модели и ориентация индивидов на эмансипативные ценности, и преобладание этих ценностей в их обществах стимулируют активность общественных движений. Мы снова наблюдаем феномен взаимного обогащения, типичный для общих благ: активирующее воздействие эмансипативных ценностей индивидов сильнее в тех обществах, где эмансипативные ценности преобладают. Эффекты влияния других факторов, значимых по результатам предыдущего анализа, на активность общественных движений, включая ресурсы и права, существенно снижается, если контролировать страновой уровень эмансипативных ценностей.

Активирующее воздействие эмансипативных ценностей снимает препятствия, блокирующие коллективные действия. Участие в коллективных действиях обычно имеет инструментальную мотивацию: основание для участия — цель коллективного действия, а не само действие. В случае чисто инструментальной мотивации возникает проблема «безбилетника»: если цель может быть достигнута и без участия данного индивида, или не будет достигнута даже при его/ее участии, индивид не будет участвовать в коллективном действии. Но если выражение совместно ценимых требований само по себе является ценностью, мы сталкиваемся с иной ситуацией. Мотивация в данном случае — внутренняя, а не инструментальная. Следовательно, проблема «безбилетника» снимается: если мы получаем удовлетворение, совместно выдвигая ценное для всех требование, индивиды участвуют в коллективных действиях, даже если в этом нет необходимости для успеха акции, даже в тех случаях, когда акция, вероятно, не добьется успеха.

Проверяя эти предположения, я анализирую, разрушает ли высокий риск репрессий связь между эмансипативными ценностями и активностью общественных движений. Я установил, что это не так. Эффект солидарности широко распространенных общих ценностей так силен, что он побуждает людей высказываться даже в ситуациях с высоким уровнем риска. Действительно, это объясняет, почему риск репрессий обычно низок, если эмансипативные ценности преобладают: они мотивируют широкую массовую активность общественных движений, оказывая давление на власти, чтобы они предоставили гарантии, предотвращающие репрессии. Короче говоря, эмансипативные ценности побуждают людей делать

так, чтобы их общие требования были услышаны. И в этом заключается истинная эмансипация.

Результаты Глав 5, 6, 7 показывают, что эмансипативные ценности — это радикальная гражданственная сила, высвобождающая внутренние качества людей, оживляющая гражданское общество и создающая социальный капитал. Очевидно, данные результаты подразумевают, что эмансипативные ценности — главный источник демократизирующего давления снизу. Три главы Части С непосредственно анализируют эти предположения.

Глава 8. Пожалование прав народу. С точки зрения эмансипации человечества, демократия важна, потому что она обеспечивает ее *институциональный* компонент. Демократия связана с двумя доинституциональными компонентами власти народа [people power]: ресурсами для действий и эмансипативными ценностями, в которых я вижу социальных предшественников демократии. Чтобы обосновать это, я показываю, что зависимость демократии от ее *доинституциональных* предшественников тем более очевидна, чем в большей степени ее измерение сфокусировано на институтах, в реальности способствующих человеческой эмансипации. Среди различных институциональных факторов, детерминирующих демократию, я выделяю гражданские права как институт, наиболее непосредственно способствующий человеческой эмансипации, и определяю их как гарантии прав на частные и публичные действия, в равной степени предоставленные всем членам общества. Гражданские права в этом понимании охватывают как права на личную автономию, так и права на политическое участие. Первое дает возможность людям вести свою частную жизнь так, как они предпочитают; второе позволяет им добиваться того, чтобы их мнение было услышано и учитывалось в общественной жизни. Я объединяю показатели личной автономии и политического участия в *индекс гражданских прав*, используя данные Freedom House и Проекта гражданских прав Сингранелли и Ричардса (Cingranelli/Richards Human Rights Project).

Если сравнить новый индекс гражданских прав с шестью наиболее широко используемыми мерами демократии, то окажется, что этот индекс более точен: характеристики качества демократии у большинства обществ оказались ниже, чем при использовании других показателей. С точностью оценок индекса гражданских прав связаны еще два важных результата. Во-первых, тренд глобальной демократизации по-прежнему остается заметным, но уже не таким впечатляющим, если рассматривать индекс гражданских прав, а не другие традиционные показатели демократии. Во-вторых, связь демократии с доинституциональными проявлениями человеческой эмансипации более очевидна при использовании именно индекса демократии, а не альтернативных показателей. В совокупности представленные выше результаты привлекают внимание к аспекту демократии, который редко обсуждается в публикациях: институционализация власти народа [people power] — нелегкая задача, потому что она требует присутствия в социальном контексте демократии качеств, способствующих эмансипации, качеств, которые сами социальные институты создать не могут, но от которых они зависят.

Глава 9. Революция прав. В Главе 8 высказано предположение, что усиление эмансипативных ценностей мотивирует «революцию прав» недавних десятилетий.

В Главе 9 это предположение проверяется. В ней исследуется, действительно ли эмансипативные ценности детерминируют расширение гражданских прав, или, наоборот, права детерминируют ценности, или на них действуют какие-то «третьи» причины, например, экономическое развитие, «заражение» извне или культурная глобализация. Хронологическая модель в Главе 4 уже предполагает, что причинность идет от ценностей к правам, а не наоборот. Но с учетом широкого временного охвата этой модели, мне пришлось использовать замещающие показатели, и у меня также не было возможности включить в нее нужные контрольные переменные. Теперь я сосредоточу внимание на расширении прав в современный период, что позволяет использовать непосредственные показатели ценностей и прав, а также нужные контрольные переменные. Кроме того, внимание сосредоточено на *динамичных* взаимосвязях: на анализе того, как *изменения* эмансипативных ценностей детерминируют *изменения* гражданских прав, или, наоборот, права детерминируют ценности. Я также проверяю альтернативную возможность детерминации изменений и прав, и ценностей *изменениями* возможных «третьих» причин.

Контролируя все остальные переменные, я обнаружил, что усиление эмансипативных ценностей детерминирует расширение прав. В свою очередь, расширение прав оказывает существенно более слабое влияние на рост эмансипативных ценностей, чем упомянутый эффект влияния ценностей на права. Это подтверждает в динамической перспективе тезис последовательности теории эмансипации: гарантии свобод — это реакция на усиление ценности свобод.

Данный паттерн очевиден не только для гражданских прав в целом, но также и для прав специфических социальных групп, прежде всего женщин, а также лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров (ЛГБТ). Их права также расширялись, и анализ показывает, что и это детерминировалось подъемом эмансипативных ценностей, а не гипотетическим обратным влиянием прав на эмансипативные ценности. Что касается связи ценностей и прав, то мои результаты обосновывают каузальный приоритет культуры по отношению к институтам, что опровергает популярную в политической экономии точку зрения, будто «институты первичны».

Глава 10. Парадокс демократии. Глава 10 рассматривает одну из больших загадок демократии: парадокс сосуществования. Этот парадокс описывает тот факт, что массовые демократические стремления могут сосуществовать с серьезными дефектами демократии или даже с ее полным отсутствием. Однако если принять во внимание, как именно эмансипативные ценности формируют у народа демократические стремления, парадокс будет разрешен. Чтобы это продемонстрировать, анализ строится на использовании новой батареи вопросов о демократии, впервые появившейся в пятой волне Мирового исследования ценностей. Использование многоуровневых моделей для выявления комбинированного эффекта эмансипативных ценностей на уровне индивидов и обществ, прежде всего, показало, что эти ценности мало влияют на *силу* демократических стремлений. Они сильны везде: разброс по странам мира небольшой. Однако эмансипативные ценности *изменяют их природу*, и делают это двумя способами.

Во-первых, с ростом эмансипативных ценностей люди более четко определяют демократию именно через ее либеральные качества, гарантирующие всеобщие

свободы. Таким образом, с помощью эмансипативных ценностей стремление к демократии становится более либеральным. Этот результат опровергает широко распространенное предположение, будто демократические установки людей укоренены в понимании демократии как перераспределения дохода от богатых к бедным. В реальности такое ее понимание наименее популярно, и не оно определяет демократические стремления. Самый сильный их фактор — либеральное понимание демократии, и именно такое ее понимание постоянно укрепляется эмансипативными ценностями.

Во-вторых, с ростом эмансипативных ценностей люди оценивают качество демократии в своем обществе более критично, видят больше недостатков.

Инвариантность силы желания демократии скрывает фундаментальные различия демократических ожиданий людей, которые растут с усилением эмансипативных ценностей. И снова обнаруживается феномен взаимного обогащения, благодаря которому преобладание в обществе эмансипативных ценностей усиливает внутренне присущее этим ценностям воздействие: либеральное и критическое воздействие собственных эмансипативных ценностей индивида становится сильнее, если он/она живет в обществе, где эмансипативные ценности преобладают.

Эти результаты сохраняются и в том случае, когда в качестве контрольных переменных используется демократическая социализация и когнитивная мобилизация. Конечно, и демократическая социализация, и когнитивная мобилизация также делают демократические стремления людей более либеральными и критическими, но эффект эмансипативных ценностей существует независимо от этих факторов, и он значительно сильнее. Поскольку когнитивная мобилизация сама является детерминантой эмансипативных ценностей, эффект ее влияния на демократические ориентации, в основном, не прямой: он опосредуется эмансипативными ценностями. Итоговый вывод: сила демократических стремлений варьируется незначительно, но вариации природы этого желания сильны и глубоки, они становятся либеральнее и критичнее с ростом эмансипативных ценностей.

Эти результаты разрешают часто наблюдаемый парадокс сосуществования сильного желания демократии с ее существенными дефектами или даже ее полным отсутствием. Во всех случаях, когда этот кажущийся парадокс наблюдается, демократические стремления не связаны с критически-либеральной ориентацией. Такие лишённые опоры желания не могут служить источником давления, направленного на установление демократии или ее улучшение.

Две главы *Части D* расширяют этот анализ, раскрывая роль эмансипативных ценностей в самой широкой из возможных перспектив: с точки зрения человеческой цивилизации.

Глава 11. Смена курса цивилизации. Глава 11 исследует роль власти людей и свободы в цивилизационном процессе. Я утверждаю, что человеческая эмансипация сыграла ведущую роль в развитии цивилизации лишь недавно по историческим меркам, резко изменив ее направление. Произошла Великая смена курса цивилизации — резкий переход от совершенствования механизмов эксплуатации людей к их эмансипации. Этого не происходило до подъема Атлантического Запада к глобальному доминированию примерно в 1450—1500 гг. нашей эры. В сравнении со Средиземноморской Европой, Ближним Востоком, Индией, Китаем и цивилизациями Центральной Америки, цивилизация Атлантического Запада запаздывала

в развитии. Тем не менее, из всех цивилизаций, расположенных в зоне, которую я называю зоной «водной автономности в прохладном климате» (зона ВАПК), это была первая цивилизация, достигшая зрелой урбанизации. Следующей цивилизацией, достигшей зрелого уровня урбанизации в зоне ВАПК, была Япония: она достигла этого примерно в 1600 г., в начале периода правления клана Токугава. Достижение зрелой стадии урбанизации цивилизацией в зоне ВАПК приходит вместе со специфической особенностью, которой нет во всех остальных городских цивилизациях: водной автономностью, а именно, легким, равным и постоянным доступом к водным ресурсам для каждого индивида на этих территориях.

Водная автономность устраняет исторический путь к деспотизму, характерный для аграрных обществ: централизованно контролируемую ирригацию. Делая простых людей более независимыми от властителей, водная автономность, как только появляются городские рынки, порождает также производные автономности, включая автономный доступ к рынку, распоряжение собственностью, получение прибыли и распределение рабочей силы. Эти возможности существовать автономно продвигают своих пользователей выше по лестнице полезности свобод, фокусируя их внимание на гражданских правах. В этот момент и прорастает первоначальное «семя» эмансипативного духа. Данное предположение представляет собой тезис об истоке в моей теории эмансипации.

Используя данные о климате (Gallup, Mellinger and Sachs, 2010), я рассчитываю индекс влияния фактора «водной автономности в прохладном климате» в каждой стране. Индекс ВАПК коррелирует очень сильно со всеми тремя элементами человеческой эмансипации: ресурсами для действий, эмансипативными ценностями, гражданскими правами. В самом деле, население самых развитых обществ на Земле сосредоточено в регионах с самыми высокими в мире значениями индекса ВАПК: в Северо-Восточной Европе, в прибрежных районах Северной Америки, в Японии, Юго-Восточную Австралии и Новой Зеландии. Однако эти регионы не всегда были наиболее развитыми. Напротив, цивилизации созревали особенно поздно в районах с высокими значениями ВАПК, если это вообще происходило. До того, как это случилось, эмансипация совсем не была характерной чертой цивилизаций, даже самых развитых. Следовательно, до подъема Атлантического Запада около 1500 г. не было корреляции между эмансипацией и фактором ВАПК в разных странах мира. Это доказывается с помощью исторических оценок среднедушевого дохода А. Мэддисона (Maddison, 2007), использованного в качестве замещающего показателя эмансипации.

Когда на Атлантическом Западе началась доиндустриальная урбанизация, у него были самые высокие значения ВАПК среди всех городских цивилизаций Евразии и Мезоамерики, за исключением Японии, которая, и это совсем не случайное совпадение, была первым обществом, скопировавшим индустриальный подъем Запада. За пределами Евразии были другие регионы с такими же высокими ВАПК-значениями: прибрежные районы Северной Америки, юг Южной Америки, Юго-Восточная Австралия и Новая Зеландия. Из-за большой удаленности для миграции от места происхождения человечества в Восточной Африке эти регионы были последними заселены современными людьми. Таким образом, часы развития стартовали здесь с опозданием: городская цивилизация так и не смогла здесь сформироваться

до тех пор, пока колониализм не стал этому способствовать. А уже потом городская цивилизация была завезена европейскими поселенцами во все регионы с высокими значениями ВАПК *за пределами* Евразии. Внутри Евразии Западная Европа и Япония также находились на самом большом расстоянии для миграции от места происхождения человечества в Африке. Интенсивное сельское хозяйство и урбанизация, в конце концов, пришли и туда, но значительно позже, чем в других евразийских цивилизациях. Как только это случилось, полезности, которыми водная автономность этих регионов наделяет свободы, быстро проявились. Процесс эмансипации стартовал.

Человеческая эмансипация отнюдь не обречена оставаться привилегией ограниченного количества обществ с высокими значениями ВАПК. Мой анализ демонстрирует, что процесс человеческой эмансипации уже показывает признаки освобождения от данного ограничения в эру глобализации. Глобальная сеть человеческих знаний предлагает нашему виду возможность освободить межкультурное обучение от ограничений географии. Это делает возможным распространение технологий, приносящее автономное существование в такие места, где изначально для него не было благоприятных природных условий. Таким образом, мой анализ показывает, что корреляция человеческой эмансипации со страновыми значениями ВАПК снижается с 1980 г., и причина этого кроется в прогрессирующей глобализации. Глобализация помогает обществам, лишенным природных преимуществ, способствующих эмансипации, преодолеть этот недостаток. Эмансипация постепенно становится глобальной.

Эти результаты подтверждают тезис о *заражении* в моей теории эмансипации. Тезис предполагает, что при прочих равных условиях люди стремятся расширить, а не сузить рамки своей свободы. Вот почему глобализация делает эмансипацию заразной: проникая сквозь барьеры неосведомленности, она дает людям возможность узнать, что происходит в других странах, и использовать знания, чтобы оправдать мобилизацию в пользу перемен в своем обществе.

Глава 12. Проблема устойчивого развития. Как это ни парадоксально, с того времени, когда процесс человеческой эмансипации стал глобальным, его успешность угрожает разрушить само его основание. Глобальный процесс эмансипации может нарушить экологическую устойчивость нашей планеты. Однако, хотя эмансипация и создает экологическую проблему, в ней самой есть ключ к её решению. Этот вывод верен по двум причинам. Во-первых, чтобы обеспечить устойчивость развития, нужно разрабатывать и внедрять больше «зеленых» технологий, а эмансипация тесно связана с развитием технологий. Во-вторых, для мобилизации массовой поддержки политики, обеспечивающей сохранность и устойчивость экологии, нужны осведомленность граждан об этих проблемах и готовность вносить свой вклад в их решение, а это как раз и связано с позитивным эффектом эмансипативных ценностей. Как показывает заключительный раздел этой книги, эмансипативные ценности помогают устранить разрыв между знанием и поведением: сильные эмансипативные ценности помогают людям транслировать знания о проблеме устойчивого развития в экологический активизм. Это позволяет смотреть в будущее с оптимизмом, учитывая растущую поддержку разумной и ответственной экологической политики большинством людей. В целом, обобщения широкого круга данных, сделанные в последней главе, еще раз подтверждают важность эмансипативных ценностей для будущего человеческой цивилизации.

Заключение. Наконец, Заключение резюмирует это исследование в пяти параграфах. В первом обобщаются основные результаты книги, что представлено на схеме Рисунка С.1. Во втором параграфе приведены основные выводы, сделанные по результатам анализа эмпирических данных. В третьем параграфе лестница полезности свобод, на которой построена моя теория, соотносится с другими важными концепциями, включая иерархию человеческих потребностей, безопасность существования и социальный капитал. В четвертом параграфе показано, что подъем эмансипативных ценностей — это показатель морального прогресса человечества. Последний параграф представляет собой краткое итоговое изложение теории эмансипации.

Я бы хотел снова напомнить читателям, что книга дополнена обширным Приложением, которое доступно онлайн по ссылке: <http://www.cambridge.org/no/academic/subjects/politics-international-relations/comparative-politics/freedom-rising-human-empowerment-and-quest-emanicipation>. В нем подробно описаны процедуры измерения, включая дополнительный анализ данных, и приведены данные для повторного анализа. Теперь, перед тем как перейти непосредственно к главам, в последнем параграфе Введения я опишу схемы, использованные в книге для категоризации стран всего мира.

3. Схемы для категоризации обществ

Теория человеческой эмансипации рассматривает три элемента: ресурсы для действий в сфере способностей людей, эмансипативные ценности в сфере мотивации и гражданские права в сфере правовых гарантий. Из этих трех элементов сложнее всего измерять эмансипативные ценности, хотя, как мы увидим, это того стоит. Сосредоточим внимание на более очевидных и доступных для непосредственного наблюдения элементах эмансипации — ресурсах для действий и гражданских правах — и приведем классификации обществ на их основе. Эти классификации помогут получить общее представление о том, чем могут различаться страны по эмансипативным ценностям.

3.1. Стадии человеческой эмансипации

Современные технологически развитые общества получают интеллектуальный вклад от широких слоев населения (Bell, 1973; Toffler, 1999; Florida, 2002; Baker, 2007). Таким образом, технологическое развитие подразумевает, что обычные люди располагают *интеллектуальными* ресурсами, которые обеспечиваются широким доступом к образованию и информации. Технологическое развитие также подразумевает, что обычные люди обладают *материальными* ресурсами. Технологии обеспечивают инструменты и оборудование, облегчающие жизнь людей. Они повышают производительность труда, и поэтому труд обеспечивает людям более высокие доходы. Кроме того, технологическое развитие подразумевает, что у обычных людей есть доступ к *коммуникативным* ресурсам. Развитие транспорта и коммуникационных технологий позволяет людям легко связываться с единомышленниками и координировать с ними действия для достижения общей цели. Все три типа ресурсов — материальные, интеллектуальные, коммуникативные — это *ресурсы для действий*: они расширяют диапазон действий, которые люди могут предпринять по своей воле. Все три типа ресурсов расширяются с техно-

логическим развитием, повышая в обществах долю людей, обладающих лучшим оборудованием, навыками и доступом к коммуникационным сетям.

Для измерения уровня технологического развития стран я применяю «Индекс знаний» Мирового банка [Knowledge Index (KI)] (World Bank, 2010). Я использую данные с 1995 г., так как именно с этого года мы можем получить первое представление об эмансипативных ценностях. «Индекс [экономики] знаний» — это обобщенный показатель (на душу населения) научной продуктивности общества, его информационных и коммуникационных технологий, а также уровня образования, что подробно описано в Приложении 1. Я «нормализовал» значения индекса в шкалу с диапазоном от минимума 0 до максимума 1 и назвал его *индексом технологического развития [technological advancement index]*.

С помощью этого индекса я разделяю общества на три категории:

(1) *Традиционные экономики*: у обществ этой категории значения индекса находятся в нижней трети диапазона — ниже, чем 0,33. В обществах на таком низком уровне технологического развития обычно большая часть рабочей силы занята в аграрном секторе. Если же это не так, то такие низко-технологичные общества — это, в основном, страны-экспортеры нефти. Их сближает с аграрными экономиками то, что и те, и другие построены на ренте от материальных активов, а именно, земли или нефти, что способствует сохранению традиционных социально-экономических структур.

(2) *Индустриальные экономики*: у обществ этой категории значения индекса находятся в середине диапазона (между 0,33 и 0,66). В большинстве обществ среднего уровня технологического развития большая часть рабочей силы занята в промышленном секторе.

(3) *Экономики знаний*: значения индекса находятся в верхней трети диапазона, то есть, превышают 0,66. Во всех высокотехнологических обществах значительная часть рабочей силы занята в секторе производства знаний.

Снова повторим, что технологическое развитие характеризуется широким распространением интеллектуальных, материальных и коммуникационных ресурсов. В совокупности эти три типа ресурсов для действий повышают способность людей реализовывать свои собственные и согласованные с другими людьми общие цели. Следовательно, люди имеют больше возможностей получать и использовать свободы в индустриальных экономиках, чем в традиционных, а в экономиках знаний — больше, чем в индустриальных экономиках.

Помимо технологического развития, еще одним ключевым элементом человеческой эмансипации является демократия. В то время как технологическое развитие обеспечивает эмансипацию на уровне *способностей* людей, достижения демократии обеспечивают её на уровне *правовых гарантий*. Для измерения уровня демократии я использую новый *индекс гражданских прав*, который подробно обсуждается и анализируется в Главе 8. Индекс использует рейтинг «гражданских прав» и «политических прав» в обществе, публикуемый Freedom House (Freedom House, 2012), но также дополняет эту информацию рейтингом прав человека в обществах по данным проекта «Human Rights Data Project» (Cingranelli & Richards, 1999, 2012). Эти рейтинги объединяются в итоге в рейтинг гражданских прав, принимающий минимальное значение 0, если никакие права не гарантированы или законами, или

на практике, и максимальное значение 1, если все права гарантированы и по закону, и на практике. На основе этих данных я различаю три уровня демократии:

(1) *Не-демократии* имеют значения в нижней трети индекса гражданских прав от 0 до 0,33 пунктов шкалы. Поскольку такие общества в большей степени отрицают права, чем предоставляют их, они недемократические.

(2) *Гибридные режимы* располагаются в среднем диапазоне индекса, от 0,33 до 0,66 пунктов шкалы. Поскольку эти режимы не попадают ни в зону отрицания гражданских прав, ни в зону предоставления гражданских прав, они не являются ни демократическими, ни недемократическими.

(3) *Демократии* имеют значения индекса в верхней трети от 0,66 до 1. Поскольку эти общества больше предоставляют права, чем отрицают, их можно отнести к демократиям.

Если эмансипация — внутренне согласованный феномен, то сферы способностей и гарантий должны пересекаться. В этом случае общества должны находиться на сходном уровне всех трех категорий технологического развития и достижений демократии, демонстрируя эквивалентный прогресс в сферах способностей и гарантий эмансипации. Таблица I.1 показывает, как концептуально должно выглядеть такое соответствие. Таблица I.2 демонстрирует реальное распределение обществ по категориям технологического прогресса и достижений демократии. В этой таблице представлена выборка только из девятиста пяти стран, которые хотя бы раз участвовали в Мировом или Европейском исследованиях ценностей. Я ограничиваю анализ этими странами, потому что основной предмет моего исследования — эмансипативные ценности — измерялись только в них. Однако это не очень существенное ограничение, поскольку 95 стран представляют все регионы мира, включая страны с самым большим населением и размером экономики из каждого региона, и весь спектр стадий эмансипации от Руанды до Швеции⁴.

Таблица I.1. **Стадии обретения людьми способностей и прав**

		ГАРАНТИИ		
		Недостаточные (Не-демократии)	Умеренные (Гибридные режимы)	Широкие (Демократии)
СПОСОБНОСТИ	Недостаточные (Традиционные экономики)	Люди страдают	Средний-Низкий	[Парадокс]
	Умеренные (Индустриальные экономики)	Средний-Низкий	Люди живут в трудных условиях	Средний-Низкий
	Широкие (Экономики знаний)	[Парадокс]	Средний-Высокий	Люди процветают

Примечание: Градации серого представляют ожидаемые вероятности характеристик: более темный оттенок соответствует более высокой вероятности.

⁴ Используя последний доступный опрос для каждой из 95 стран, мы охватываем период с 1995 по 2005 гг. Чтобы показатели технологического развития и достижений демократии относились к началу этого периода, я использовал данные за 1995 г. Что касается достижений демократии, то я усреднил показатели для 5 лет, предшествовавших году опроса, чтобы устранить флуктуации, специфические для 1995 г. В этом нет необходимости в случае технологического развития, потому что в этот период не наблюдалось резких переходов стран из одной категории технологического развития в другую. А вот с достижениями демократии такое происходит часто: смена режима может буквально за ночь изменить уровень демократии в стране.

Таблица 1.2. **Технологическое развитие и демократизация в середине 1990-х годов (95 обществ, участвовавших в Мировом и Европейском исследованиях ценностей)**

		Уровень демократии, 1990—1995 гг.		
		Не-демократии	Гибридные режимы	Демократии
Уровень технологического развития 1995	Традиционные экономики	Алжир, Азербайджан, Бангладеш, Буркина Фасо, Гана, Гватемала, Индонезия, Иран, Ирак, Нигерия, Пакистан, Руанда, Саудовская Аравия, Танзания, Уганда, Венесуэла, Вьетнам, Зимбабве (N = 18)	Индия, Мали, Замбия (N = 3)	(N = 0)
	Индустриальные экономики	Албания, Армения, Беларусь, Босния, Китай, Колумбия, Египет, Грузия, Иордания, Киргизия, Малайзия, Мексика, Марокко, Перу, Россия, Сербия, Турция, Украина (N = 18)	Бразилия, Чили, Доминиканская Республика, Сальвадор, Латвия, Литва, Македония, Молдова, Филиппины, Румыния, Таиланд (N = 11)	Южноафриканская Республика, Тринидад и Тобаго (N = 2)
	Экономики знаний	Сингапур, Гонконг (N = 2)	Аргентина, Болгария, Хорватия, Кипр, Эстония, Греция, Израиль, Южная Корея, Тайвань (N = 9)	Андорра, Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Чехия, Дания, Финляндия, Франция, Германия (Вост., Зап.), Греция, Венгрия, Исландия, Ирландия, Италия, Япония, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Словакия, Словения, Испания, Швеция, Швейцария, США, Великобритания, Уругвай (N = 32)
<p>Примечание: Пересечение дисперсий технологического прогресса и перехода к демократии — 52%. Выборка из Эфиопии исключена из-за некачественных данных; для Северной Ирландии и Черногории отсутствуют данные о технологическом развитии. Уровень технологического развития для Андорры, Ирака, Мальты и Гонконга за 1995 г. оценивался по более поздним данным.</p>				

Таблица I.2 показывает, что технологическое развитие и уровень демократии, действительно, связаны друг с другом, отражая одну и ту же стадию эмансипации в сферах способностей и правовых гарантий. В сфере способностей традиционные экономики демонстрируют низшую стадию человеческой эмансипации. В сфере гарантий эта же стадия представлена не-демократиями. Следовательно, эти две сферы демонстрируют высокую степень согласованности: за исключением Индии, Мали и Замбии, все традиционные экономики — это не-демократии. Даже с учетом этих трех исключений ни одна из традиционных экономик не является демократией в истинном значении этого термина, в том числе, Индия⁵. Средняя стадия человеческой эмансипации в сфере способностей представлена промышленными экономиками, а в сфере правовых гарантий — гибридными режимами. Соответственно, мы находим большое количество гибридных режимов в промышленных экономиках. Наконец, высшая стадия человеческой эмансипации представлена экономиками знаний в сфере способностей и демократиями в сфере гарантий. И снова обнаруживается высокая степень соответствия: за исключением Тринидада и Тобаго, а также Южной Африки, все демократии — это экономики знаний. И наоборот: среди экономик знаний только Сингапур⁶ и Гонконг не являются демократиями. Из этих двух обществ Гонконг, вероятно, был бы демократией, если бы обладал политической автономией.

Соответствие между технологическим развитием и уровнем демократии предполагает интеграцию прогресса в двух этих сферах в единую схему, как это показано в Таблице I.1. Соответственно, можно описать условия жизни людей в обществе так:

- (1) *бедственные*, когда возможностей и гарантий мало;
- (2) *трудные*, когда возможности и гарантии на среднем уровне;
- (3) *благополучные*, когда есть широкие возможности и гарантии.

Несовпадение уровней возможностей и гарантий представляет собой промежуточные условия. В таблице I.3 показано, какие общества попадают в эту категорию.

Таблица I.3 не только классифицирует общества по критериям эмансипации, она также организует их в культурные зоны. Видные ученые рассматривают принадлежность обществ к культурным зонам как основной источник влияния на их развитие (Toynbee, 1974 [1946]; Eisenstadt, 2003 [1988]; Huntington, 1996; Inglehart & Baker, 2000). Культурные зоны — это наднациональные образования.

⁵ При строгом электоральном определении демократии, Индию следует относить к демократиям, потому что в ней проводятся конкурентные выборы, в которых у оппозиции есть шансы победить. Однако, с точки зрения человеческой эмансипации, правильным будет истинно либеральное, а не просто электоральное определение демократии. Такое определение должно принимать во внимание нарушения гражданских прав. И если так и поступить, то Индия оказывается в середине диапазона по критерию реальных гражданских прав, как показано в Главе 8. Это относит Индию к режимам с серьезными дефектами демократии, показывающими, что официальные институты демократии не реализуют свою цель, связанную с эмансипацией. По этой причине журнал *Economist* (2006) классифицировал Индию как «дефектную демократию» (более детальное обсуждение случаев, подобных Индии и Сингапуру, см.: Alexander & Welzel, 2010).

⁶ Как и нефтяные монархии, Сингапур — это явный выброс, отличающийся от позитивной в целом связи между развитием и демократией. Общей чертой этих нетипичных обществ является то, что доходы государства в меньшей степени, чем обычно, зависят от налогообложения граждан, и налоги в них в целом низкие, в то время как государственные пособия — щедрые. Это отличает данные экономики, так как они не соответствуют логике «без налогов нет представительства», характерной для демократий (ср. Verweij & Pelizzo, 2009; Conrad & DeMeritt, 2013).

Они объединяют общества, сформированные одинаковыми историческими силами: чаще всего, это империи, религии и миграция. Общества, относящиеся к одной культурной зоне, часто имеют сходные экономические, культурные и институциональные характеристики. Они воспринимают друг друга как членов одной «семьи наций» (Castles, 1993). Сэмюэль Хантингтон (Huntington, 1996) считает культурные зоны отдельными «цивилизациями», разделяющими человечество на «параллельные вселенные», мало контактирующие друг с другом. Если влияние культурных зон, действительно, так глубоко, как предполагают многие авторы, оно должно отражаться в стадиях человеческой эмансипации. Следовательно, мы рискуем упустить из внимания главную силу, детерминирующую человеческую эмансипацию, если не применим обоснованную категоризацию глобальных культурных зон. В следующих параграфах описывается схема культурных зон, используемая в этой книге; она отражает некоторые наиболее отчетливые паттерны глобальной истории государства.

Таблица 1.3. **Культурные зоны и стадии человеческой эмансипации**
(для 95 стран, участвовавших в Мировом исследовании ценностей и Европейском исследовании ценностей — МИЦ и ЕИЦ)

КУЛЬТУРНЫЕ ЗОНЫ	СТАДИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ				
	Бедственная стадия	Трудная стадия			Благополучная стадия
	Низкая	Умеренно низкая	Умеренная	Умеренно высокая	Высокая
Исламский Восток	Алжир, Иран, Ирак, Сауд. Аравия	Египет, Иордания, Марокко, Турция			
Индийский Восток	Бангладеш, Индонезия, Пакистан	Индия, Малайзия	Филиппины, Сингапур, Таиланд		
Китайский Восток	Вьетнам	Китай	Гонконг	Южная Корея, Тайвань	Япония
Православный Восток	Азербайджан	Албания, Армения, Беларусь, Босния, Грузия, Киргизия, Россия, Сербия, Украина	Македония, Молдова, Румыния	Болгария	

КУЛЬТУРНЫЕ ЗОНЫ	СТАДИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ				
	Бедственная стадия	Трудная стадия			Благополучная стадия
	Низкая	Умеренно низкая	Умеренная	Умеренно высокая	Высокая
Старый Запад				Кипр, Греция, Израиль	Андорра, Австрия, Бельгия, Франция, Ирландия, Италия, Люксембург, Мальта, Португалия, Испания
Запад Реформации					Дания, Финляндия, Германия (Зап.), Исландия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Швейцария, Великобритания
Новый Запад					Австралия, Канада, Новая Зеландия, США
Вернувшиеся на Запад			Хорватия, Латвия, Литва	Эстония	Чехия, Венгрия, Германия (Вост.), Польша, Словакия, Словения
Африка юж- нее Сахары	Буркина Фасо, Гана, Нигерия, Руанда, Танзания, Уганда, Зимбабве	Мали, Замбия		Южная Африка	
Латинская Америка	Гватемала, Венесуэла	Колумбия, Мексика, Перу	Бразилия, Чили, Доминик, Сальвадор	Аргентина, Тринидад и Тобаго.	Уругвай
Примечание: Непараметрические корреляции: 0,59 (Тау-Б Кендалла) и 0,72 (Ро Спирмена), обе значимы на уровне $p < 0,001$. Пересечение дисперсий культурных зон и стадий эмансипации людей равно 46%.					

3.2. Глобальные культурные зоны

Одним из самых глубоких расколов в истории цивилизации стало доминирование Запада в эпоху колониализма и империализма (McNeill, 1990). Никогда ранее одной цивилизации не удавалось добиться доминирования над всеми остальными

(Fernandez-Armesto, 2002). В истории человечества это, действительно, уникальное явление, и по сей день имеющее глубокие последствия (Morris, 2010).

Есть много причин сожалеть о глобальных эффектах доминирования Запада. Западное правление привело к унижению, эксплуатации и даже вымиранию других культур. Именно это угнетение других культур западными нациями — настолько влиятельный фактор, что его не может игнорировать ни одна разумная категоризация культурных зон. Следовательно, мы и начнем с разделения культур на «западные» и «незападные».

Западная цивилизация начала обретать свою форму, когда латинская версия христианства слилась с наследием Западной Римской империи и традициями германских племен, в результате чего появился средневековый феодализм (Quigley, 1979). Другими важными для формирования Западной цивилизации историческими событиями были Реформация и Контрреформация, и, что важнее всего, освободительное движение гуманизма в эпоху Просвещения. Освобождение науки от догматизма благодаря этому движению создало базу для Промышленной революции, с помощью которой Запад и достиг глобального доминирования (Elias, 2004 [1984]; Braudel, 1993; Goldstone, 2009; Ferguson, 2011).

Несмотря на эти общие черты Запада, есть и существенные различия, связанные с тем, насколько рано в разных обществах началась индустриализация и насколько быстро она протекала, а также с тем, когда на эти общества повлияли последствия эмансипации, и особенно, демократия. Промышленная революция началась там, где произошло наиболее решительное освобождение интеллектуального творчества из-под власти церкви: в протестантских регионах Северо-Западной Европы. На католическом юге и в центре Европы индустриализация и ее эмансипативные последствия запаздывали. Это привело к острым конфликтам, которые помешали мирному и раннему успеху демократии. Только после болезненного опыта правления авторитарных и фашистских режимов демократия добилась успеха в Центральной и Южной Европе; тем не менее, и там это произошло раньше, чем в незападных цивилизациях.

Географически Запад расположен на Атлантическом фланге «осевого пояса» евразийских цивилизаций (Fernandez-Armesto, 2002). По определению, все остальные евразийские цивилизации — восточные по отношению к Западу. Восточных цивилизаций — не менее четырех. Во-первых, это православная ветвь христианства в Восточной Европе с историческим центром в Московской Руси. Далее, обширная исламская цивилизация на Ближнем Востоке и Северной Африке, с арабскими странами, Персией и Турцией как ее историческими центрами. Затем — индийская цивилизация в Южной Азии с центром в Индии. Наконец, китайская цивилизация в Восточной Азии с историческим центром в Китае.

За пределами Евразии — три культурных зоны: «филиалы» Запада в Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии; Африка южнее Сахары; Латинская Америка. Северная Америка, Юго-Восток Австралии и Новая Зеландия были заселены современными людьми значительно позже, чем Евразия (Orrenheimer, 2007). Следовательно, когда европейцы открыли эти земли, там не было городских цивилизаций с высокой плотностью населения. Вместо этого они обнаружили обширные малонаселенные земли, где климат сходен с климатом на Северо-

Западе Европы. Там было возможно такое же семейное фермерство на землях, орошаемых дождевой влагой, как и в северо-западной Европе. Эта возможность привлекла жаждущих новых земель переселенцев, принесших с собой эмансипативный дух из Европы (McNeill, 1990). В отсутствие наследия феодализма этот дух в колониях поселенцев расцвел еще сильнее, чем на их родине в Европе. Вследствие этого колонии западных переселенцев пошли путем индустриализации и демократии еще быстрее, чем протестантская Европа.

До начала колониализма регион происхождения современных людей — Африка южнее Сахары — был изолирован от процессов развития в Евразии барьером пустыни Сахары. По причине природных условий, неблагоприятных для интенсивного сельского хозяйства (Masters & Wiebe, 2000), Африка южнее Сахары не производила прибавочного аграрного продукта достаточно, чтобы возникли и развивались обширные городские цивилизации с устойчивым историческим центром в доколониальное время. Учитывая преобладающий тропический климат, Африка южнее Сахары не привлекала западных переселенцев. По этой причине ее коренное население не было вытеснено европейцами⁷. Тем не менее, Африка оказалась под полным контролем западных колониальных режимов, извлекавших из нее ресурсы: главной целью были поставка рабов на плантации и горные разработки в Америке, а также поставка фруктов и минеральных ресурсов в Европу. После деколонизации Африка южнее Сахары остается самым бедным регионом мира, хотя за последние десятилетия некоторые страны региона повысили уровень жизни и демократии (Mahajan, 2011; African Progress Panel, 2012).

Центральная и Южная Америка — последние континенты, заселенные современными людьми (Oppenheimer, 2007). Переселенцы основали там независимые мезоамериканские цивилизации, но империи ацтеков и инков были быстро сокрушены после вторжения европейцев. Большая часть популяции американских индейцев погибла после контакта с европейцами: из-за изолированности от Евразии и распространенных там болезней у американских индейцев не было иммунитета к болезням, завезенным европейцами (Diamond, 1997). Это открыло Центральную и Южную Америку для поселений европейцев. Но, поскольку там преобладал тропический и субтропический климат, поселенцев в Южную Америку привлекала не возможность вести фермерское хозяйство, как в Северной Америке: европейцы создавали плантации и горные разработки, требовавшие интенсивных трудозатрат, и для этого нужна была доставка рабов из Африки, после того как большая часть местного населения вымерла (Engerman & Sokolov, 1997). Таким образом, государственная организация была построена на базе принудительного труда и репрессивных режимов, которые оставили Латинской Америке наследие крайнего социального неравенства, провоцирующего военные столкновения между левыми партизанами и правыми проправительственными репрессивными формированиями (Rueschemeyer, Stephens & Stephens, 1992).

Есть основания считать Латинскую Америку и разновидностью Западной цивилизации, и отдельной цивилизацией. То же относится и к Православному Востоку. Можно считать Латинскую Америку ветвью западной цивилизации, потому что

⁷ Исключение — регион оконечности Южной Африки, куда мягкий климат привлек белых поселенцев.

в этом регионе утвердился католицизм, пришедший туда из Южной Европы. Но, если мы рассматриваем эмансипативное наследие Просвещения как важную черту Западной цивилизации, то Латинская Америка не принадлежит к Западу. Регион стал базой для наиболее эксплуататорской — плантаторской и горнодобывающей — формы европейского колониализма и привлек реакционно-настроенных переселенцев из католической Европы. Слабость эмансипативной традиции отличает Латинскую Америку от других ветвей Западной цивилизации (Huntington, 1996: 59).

Православный Восток также мог бы рассматриваться как ветвь Западной цивилизации, поскольку его объединяет с Западом «белое» этническое происхождение и христианское наследие. Однако длительный исторический опыт деспотизма, связанный с византийской-московской-монголо-татарской-царской-советской империями, отличает Православный Восток от эмансипативной традиции Запада. По той же причине, что и Латинская Америка, — из-за отсутствия эмансипативной традиции, — Православный Восток отличается от Запада⁸

Эти соображения обосновывают выделение трех типов больших глобальных культурных зон: (1) четыре явно восточные цивилизации, (2) четыре переплетенные ветви западной цивилизации и (3) два региона: Африка южнее Сахары и Латинская Америка, которые не укладываются в различия Востока-Запада. Я использую эту трехчленную классификацию для выделения десяти более специфических культурных зон (смотрите также сходную классификацию в публикации: Inglehart & Welzel, 2005: 63).

3.2.1. Восточные культурные зоны

Восточными я считаю все общества, относящиеся к евразийским цивилизациям, расположенным к востоку от западной цивилизации. Культурная граница проходит не между Европой и Азией — она проходит по оси Север-Юг через центр Европы, отделяя западное христианство (включающее и католицизм, и протестантизм) от восточного православного христианства (Huntington, 1996: 159). Восточные цивилизации намного старше западных и долгие столетия затмевали Запад, но потом на них глубоко повлияло начавшееся в XVI столетии восхождение Запада к глобальному доминированию.

В сравнении с Новым Светом, западное влияние на Восток было ограниченным и в демографическом, и в культурном отношении. Напор Запада не уничтожил коренное население восточных стран и не разрушил культурные идентичности восточных обществ. Ни одно из них не стало целью для западного переселенческого колониализма⁹: там уже было многочисленное городское население, болевшее теми же болезнями, что и европейцы, и поэтому не вымершее от контакта с ними

⁸ Главное проявление эмансипативной традиции — это наделение граждан правами. Первоначально в западных странах эти права получили только их собственные граждане. Люди из других культурных зон, напротив, подвергались эксплуатации со стороны Запада в колониальный период. С начала эры деколонизации, однако, как западные, так и незападные страны все в большей степени выступают за всеобщие, универсальные права для всех людей.

⁹ Русские поселения в Сибири не относятся к категории западного колониализма, потому что Россия не относится к западным цивилизациям. Тот факт, что население России — «белое» по своему этническому происхождению, не делает это общество западным, если используется культурное определение западной цивилизации, основанное на эмансипативном наследии Реформации, Гуманизма и Просвещения.

(McNeill, 1990; Diamond, 1997). Однако, за исключением Православного Востока и Японии, восточные экономики от Северной Африки до Китая были реорганизованы, чтобы соответствовать миропорядку, в котором доминировал Запад. Частью этой реорганизации была ликвидация независимого производства и создание структур для вывоза природных продуктов, таких как чай, специи и шелк (Jones, 1987; Bairoch, 1995). Западный сырьевой колониализм еще более усилил восточные традиции деспотизма, и такое сочетание на долгий срок помешало развитию экономики и демократии на Востоке. Однако после того, как Япония стала развитой постиндустриальной демократией, и после недавнего подъема Индии, Китая и других «азиатских тигров» ситуация резко меняется: Восток начал быстро догонять Запад (Morris, 2010). В следующем параграфе кратко описываются четыре восточные культурные зоны.

Исламский Восток. Центр Исламского Востока — колыбель цивилизации в Месопотамии, и он включает все арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки, Иран и Турцию. Такая группировка отражает тот факт, что Арабская, Персидская и Оттоманская империи были в разное время центрами ислама. Общая черта обществ Исламского Востока: это регионы, в которых ранее всего произошла экспансия ислама, и в основном, с помощью военных завоеваний. Общества Исламского Востока также связаны и с Западом, потому что ислам в этой зоне укрепился после длительного периода греко-римского влияния. Исламские общества в Южной и Центральной Азии не обладают данными характеристиками Исламского Востока и потому не включены в эту группу. В Мировом исследовании ценностей (МИЦ) участвовали следующие общества Исламского Востока, перечисленные в алфавитном порядке: Алжир, Египет, Иордания, Ирак, Иран, Марокко, Саудовская Аравия и Турция.

Индийский Восток. Индийский Восток охватывает Южную Азию — второй старейший центр человеческой цивилизации (если причислить Месопотамию и Египет к одному региону — Ближнему Востоку). С самого начала Индия была главной цивилизацией этого региона. Влияние этой страны — колыбели буддизма и индуизма — пронизывало весь регион. После Исламского Востока, Индийский Восток — вторая культурная зона, испытывающая влияние ислама. И хотя в самой Индии ислам — не основная религия, страной долго правила исламская династия Моголов. По этой причине в Индии живет многочисленное исламское меньшинство, и мусульмане составляют подавляющее большинство населения стран, отделившихся от Индии, — Пакистана и Бангладеш. Действительно, входящая в Индийский Восток Индонезия — самое большое по численности населения исламское общество в мире. Однако, поскольку ислам на Индийском Востоке сосуществует с другими азиатскими религиями и утвердился в этом регионе в основном благодаря торговле, а не завоеваниям, — он здесь не доминирует и не такой жесткий, как на Исламском Востоке. В Мировом исследовании ценностей участвовало восемь обществ Индийского Востока: Бангладеш, Индия, Индонезия, Малайзия, Пакистан, Сингапур, Филиппины и Таиланд.

Китайский Восток. Китайский Восток — примерно такая же древняя цивилизация, как и первая европейская цивилизация на Крите. Так же, как Индия — центральное общество Индийского Востока, Китай — центральное общество

Китайского Востока. Подобно Индии, Китай испытал влияние буддизма, который, однако, ни в том, ни в другом регионе не стал основой мировоззрения. Как индуизм — основа мировоззрения в Индии, так конфуцианство — основа мировоззрения в Китае. Китайская культура распространилась в Восточной Азии подобно тому, как это произошло с индийской культурой в Южной Азии. В зоне влияния этой культуры длительное историческое время была Япония. Даже когда в Японии начала развиваться собственная культура, Китай долгое время оставался эталоном для сравнения. Исторически на общества Китайского Востока мало влияли главные монотеистические религии. Традиционно в китайских культурах религия относится к сфере частной жизни. Хотя она и важна в духовном аспекте, религия не обладала политической и идеологической значимостью в китайской культуре. В Мировом исследовании ценностей участвовало шесть обществ Китайского Востока: Китай, Гонконг, Япония, Южная Корея, Тайвань и Вьетнам.

Православный Восток. Распространяясь от места своего зарождения на Ближнем Востоке, цивилизация пришла в Европе сначала в Юго-Западное Средиземноморье, в первую очередь, в Грецию. Под властью Римской империи появилась общая «пан-средиземноморская» культура. Однако со времени разделения этой империи на Западную и Восточную ее две европейские части пошли разными путями. В то время как Западная Империя продолжала использовать латынь, Восточная — вернулась к греческому языку и стала основой православного христианства в Византийской империи. Поскольку Византия превратилась в воплощение восточного деспотизма, это оставило глубокий отпечаток на восточном православии. После падения Византии православное наследие приняла Московская Русь, ставшая лидирующей цивилизацией в Восточной Европе. Пройдя через долгий период татаро-монгольского деспотизма, русская концепция правления переняла византийский «цезаропапизм» (глава государства одновременно является и главой церкви). Результатом стала еще одна версия деспотизма — царское самодержавие, в условиях которого Православная Церковь была изолирована от влияния эмансипативных западных движений — Гуманизма, Реформации, Просвещения. Хотя советский коммунизм перестроил экономику общества, он сохранил традицию политического деспотизма. В результате экспансии России в Сибирь и Среднюю Азию, многочисленное исламское население попало под власть России. Советский империализм закрепил это. По этой причине я включил в категорию восточных православных обществ также и исламские общества, попавшие в сферу российского доминирования — ведущей цивилизации Православного Востока. Я включил в эту культурную зону также две страны, имеющие коммунистическое прошлое и граничащие с православными соседями, — Албанию и Боснию, хотя это страны с преимущественно мусульманским населением. Большинство обществ Православного Востока входили в Советский Союз, и все пережили правление коммунистов¹⁰. В Мировом исследовании ценностей принимали участие тринадцать обществ Православного Востока: Албания,

¹⁰ Учитывая православные традиции, можно было бы включить в категорию Православного Востока также Кипр и Грецию. Но, с другой стороны, эти страны не были под российским или коммунистическим правлением и, освободившись от власти Османской империи в 1827 г., вошли в сообщество западных стран; сейчас они входят в Европейский Союз и идентифицируют себя с Западом. Как и Израиль, эти страны я включил в Старый Запад, где преобладают средиземноморские страны (см. ниже).

Азербайджан, Беларусь, Босния и Герцеговина, Грузия, Кыргызстан, Македония, Молдова, Черногория, Румыния, Россия, Сербия и Украина.

3.2.2. Западные культурные зоны

У западных обществ — общие корни с Исламским Востоком и Православным Востоком, связанные с греко-римской традицией. Кроме того, с Православным Востоком эту категорию обществ объединяет христианство и «белое» этническое происхождение. Но ее отличает от всех других культурных зон сильное эмансипативное влияние Гуманизма, Реформации и Просвещения. Западные общества рано индустриализировались и демократизировались. На основе быстрого роста своего технологического и военного могущества западные общества колонизировали остальные регионы мира.

Старый Запад. Самые старые западные цивилизации расположены в тех регионах бывшей Римской империи, где латинский вариант христианства пережил и выдержал сначала экспансию ислама, а потом — Реформацию. Общества Старого Запада находятся в основном в Южной Европе и сосредоточены в Средиземноморье. Два крупнейших общества католического Запада — это Франция и Италия. Поскольку эмансипативные движения здесь не были так сильны, как на Реформированном Западе (см. ниже), общества Старого Запада индустриализировались и демократизировались позже и под влиянием конфликтов с Реформированным Западом. Мировое исследование ценностей включает двенадцать обществ Старого Запада: Андорру, Австрию, Бельгию, Кипр, Францию, Грецию, Израиль, Италию, Люксембург, Мальту, Португалию и Испанию.

Запад Реформации. Запад Реформации — это протестантские общества Северной, Центральной и Северо-Западной Европы. Большинство этих обществ лишь недолгое время были частью Римской империи или граничили с ней. Следовательно, на них не так сильно повлияли римские традиции. Они были сформированы под влиянием как римских традиций, так и германского трайбализма. Все страны Запада Реформации, кроме Ирландии, стали центрами Реформации. Просвещение в них проявилось особенно ярко. Общества Реформированного Запада первыми начали индустриализацию и демократизацию и стали основным источником эмиграции на Новый Запад. В Мировом и Европейском исследованиях ценностей участвовало десять обществ Запада Реформации: Дания, Финляндия, Германия (Западная), Великобритания, Исландия, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Швейцария.

Новый Запад. После Великих географических открытий Новый Запад в Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии появился как заморское продолжение Запада Реформации (хотя позже последовали волны переселенцев-католиков из Ирландии и Италии). Не отличаясь обилием минеральных ресурсов, как Латинская Америка, Новый Запад не оказался привлекательным для государственного сырьевого колониализма и других видов экономической активности, ориентированных на получение ренты. Исключением были плантации на юге Соединенных Штатов: вполне понятно, почему освобождение рабов произошло там благодаря внешнему давлению, в результате гражданской войны между Севером и Югом. Кроме юга США, Северная Америка представляет со-

бой обширные районы с прохладным и влажным климатом, сходные с Северо-Западной Европой. Они подходят для независимого фермерства, практиковавшегося в Северо-Западной Европе. Это привлекало независимых фермеров, стремившихся получить земли в Новом Свете и освоить Фронтир (новые земли на Западе США). Новые общества Фронтира были еще более ориентированы на черты, отличавшие Реформированный Запад, особенно на либертарианский эгалитарный дух эмансипации. Новый Запад, таким образом, также рано начал индустриализацию и демократизацию, которая здесь иногда шла даже быстрее, чем на Реформированном Западе. Печально, что колонизация Нового Запада связана с гибелью большей части коренного населения Северной Америки, а также с вытеснением с их земель и маргинализацией аборигенов в Австралии и маори в Новой Зеландии. В Мировом исследовании ценностей участвовали четыре общества Нового Запада: Австралия, Канада, Новая Зеландия и США.

Вернувшиеся на Запад. Группа обществ с западной культурой на основе католической или протестантской традиции, которые были отделены против воли от Запада и пережили четыре десятилетия советского коммунизма. В сравнении с другой экс-коммунистической культурной зоной — Православным Востоком — неприятие коммунизма и стремление к свободе и демократии были значительно более сильными в этих обществах. Сразу после падения коммунизма они быстро присоединились к Европейскому Союзу. Как мы увидим, система ценностей обществ, Вернувшихся на Запад, не очень отличается от ценностей Старого Запада. Зона Вернувшихся на Запад находится в Центральной и Восточной Европе и граничит с Православным Востоком. В Мировом и Европейском исследовании ценностей участвовали десять обществ, Вернувшихся на Запад: Хорватия, Чехия, Эстония, Германия (Восточная), Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия и Словения.

3.2.3. Не Запад — не Восток

Контраст Восток-Запад в основном характерен для Евразии. За пределами Евразии две культурные зоны не относятся к этому разделению: Африка южнее Сахары и Латинская Америка. Эти две зоны представляют, соответственно, регион, где впервые появились современные люди, и регион, куда они добрались в последнюю очередь.

Африка южнее Сахары. Африка южнее Сахары — это регион происхождения современного вида людей, однако городская цивилизация здесь не сформировалась так отчетливо, как в Евразийском поясе от Средиземноморья до Китая. По этой причине Африка южнее Сахары подверглась наиболее опустошительному влиянию колониализма и работорговли. Природные корни этого региона в основном связаны с эрой до развития цивилизаций, а наиболее заметные проявления цивилизации появились здесь в период колониализма. У современных национальных африканских государств почти не было доколониальных предшественников, африканские общества стали независимыми в конце периода деколонизации и продолжают страдать от наследия сырьевого колониализма, основанного на вывозе природных ресурсов. Одно из таких наследий заключается в постоянных этнических противоречиях, которые питают межплеменные конфликты

и борьбу за власть в государстве, воспринимающемся как источник дохода для правящей группы, а не как институт, призванный обеспечивать общественные блага. В Мировом исследовании ценностей принимало участие десять обществ из Африки южнее Сахары: Буркина Фасо, Гана, Мали, Нигерия, Руанда, Южная Африка, Танзания, Уганда, Замбия и Зимбабве.

Латинская Америка. Общества Латинской Америки сформировались на развалинах уничтоженных цивилизаций американских индейцев. Их объединяет испанское или португальское наследие, в них силен католицизм, и они рано прошли процесс деколонизации: независимые национальные государства здесь появились в 1820-х и 1830-х гг. Общества Латинской Америки пострадали от сырьевого капитализма, основанного на принудительном труде многочисленных рабов, привезенных из Африки, на плантациях и горных разработках. Из-за этого в большинстве этих обществ сложилось острое социальное неравенство; кроме того, широко известно, что, какая бы правящая коалиция в них ни сложилась, она стремится использовать власть для собственного обогащения, а не для обеспечения всех граждан общественными благами. В Мировом исследовании ценностей участвовало одиннадцать Латино-Американских обществ: Аргентина, Бразилия, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Сальвадор, Гватемала, Мексика, Перу, Уругвай и Венесуэла.

Как видно из списка девяноста пяти обществ, Мировое исследование ценностей обеспечивает широкий охват глобальных культурных зон и включает из каждого региона мира общества с самым большим населением и размером экономики, а именно, Китай и Японию в Восточной Азии, Индию и Индонезию в Южной Азии, Иран и Турцию на Ближнем Востоке, Египет в Северной Африке, Нигерию и Южную Африку в Африке южнее Сахары, Бразилию и Аргентину в Южной Америке, Мексику в Центральной Америке, США в Северной Америке, Россию в Восточной Европе, Польшу в Центральной Европе, Германию, Францию и Великобританию в Западной Европе, Италию и Испанию в Южной Европе, а также Австралию. В Мировом исследовании ценностей, таким образом, представлены более 90% мирового населения, — поэтому его результаты вряд ли могут быть смещенными из-за отбора обществ.

Как видно из Таблицы I.3, взаимосвязь между стадией эмансипации в обществе и его принадлежностью к культурной зоне не случайна. Проявляется явная дихотомия Запад/не-Запад: кроме нескольких обществ Старого Запада и Вернувшихся на Запад, все западные общества находятся на «процветающей» стадии человеческой эмансипации. Среди незападных обществ только два, а именно, Япония и Уругвай, находятся на этой же стадии, и около десяти — близки к ней, включая Аргентину, Болгарию, Южную Корею и Тайвань. В то же время, явное большинство незападных обществ находятся на «трудной» или «бедственной» стадиях эмансипации. Напротив, ни одно из западных обществ не находится на «бедственной стадии».

Колониализм и выгоды, полученные от него западным миром, все еще заметны в этой классификации стран. Связь между уровнем эмансипации принадлежностью к культурным зонам настолько очевидна, что её невозможно игнорировать. Поэтому существенная часть данной книги будет посвящена выяснению причин, по которым сформировались различия между культурными зонами.